ФИЛОСОФИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ПРАВА

БРАЙАН БИКС

Миннесотский университет

55455, США, Миннеаполис, Южная авеню, д. 19

E-mail: bix@umn.edu

ORCID: 0000-0001-6644-7241

DOI: 10.35427/2073-4522-2020-15-5-bix

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ И ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Аннотация. Представлен перевод статьи известного американского философа права Брайана Бикса¹, посвященной осмыслению метода концептуального анализа в юриспруденции и современным дискуссиям о его применении. Статья была опубликована в журнале *The Legal Theory* в 1995 г.²

¹ Бикс Брайан — американский философ права и юрист, профессор права и философии Университета штата Миннесота, публикующий научные труды в области аналитической юриспруденции, философии и методологии права. Выпускник Гарвардского университета. В 1991 г. в Оксфордском университете защитил диссертацию о лингвистическом анализе права под руководством известного ученого, представителя современного правового позитивизма Джозефа Раза. Опубликованная на основе диссертации книга Б. Бикса «Law, Language and Legal Determinacy» («Право, язык и правовая определенность», 1993) получила широкую известность в зарубежной и российской юриспруденции. В основе методологического подхода Б. Бикса — современные разработки в области лингвистической философии. Опираясь на идеи «позднего» периода творчества Л. Витгенштейна, он анализирует дискуссии и аргументацию сторонников поиска прямого и косвенного решения «проблемы следования правилу» применительно к философии права. Более поздние публикации Б. Бикса, в том числе книги «Jurisprudence: Theory and Context» («Юриспруденция: теория и контекст», 1996), «Jurisprudence: Cases and Materials» («Юриспруденция: кейсы и материалы», 2006), «Contract Law: Rules, Theory, and Context» («Договорное право: правила, теория и контекст», 2012), «Economic Approaches to Legal Reasoning and Interpretation» («Экономические подходы к юридическому обоснованию и интерпретации», 2018), изданные индивидуально и в соавторстве, статьи в журналах и энциклопедиях, получили широкую известность в англоязычной юриспруденции.

² Bix B. Conceptual Questions and Jurisprudence // *Legal Theory*. 1995. Vol. 1. Iss. 4. P. 465–479. Перевод с английского А.Б. Дидикина и Н.А. Гусарова. Публикуется с разрешения автора.

Ключевые слова: философия права, методология права, концептуальный анализ, научное знание, юридическое обоснование

BRIAN BIX

University of Minnesota
19, Ave. South, Minneapolis 55455 MN, USA
E-mail: bix@umn.edu
ORCID: 0000-0001-6644-7241

CONCEPTUAL QUESTIONS AND JURISPRUDENCE³

Abstract. A translation of a paper by the famous American philosopher and lawyer Brian Bix devoted to the understanding of the conceptual analysis method in jurisprudence and modern discussion on its application is presented. The paper was published in *The Legal Theory* in 1995.

Keywords: legal philosophy, legal methodology, conceptual analysis, scientific knowledge, legal reasoning.

Концептуальный анализ является неотъемлемой частью теории права⁴, однако природа и цели такого исследования четко не определены. В этой статье я попытаюсь подробно остановиться на некоторых различных основаниях для концептуального анализа и на том, какие последствия может иметь выбор одной цели вместо другой. Показывая противоречие целей, обычно присутствующих в противостоящих друг другу подходах к анализу одного и того же понятия,

³ Я хотел бы поблагодарить Брайана Лейтера, Фредерика Шауэра, Скотта Брюйера, Кеннета Уинстона, Скотта Стурджина и Марка Аддиса за их полезные комментарии к черновикам этой статьи.

⁴ Например, возможно, двумя самыми важными и влиятельными книгами в этой области за вторую половину этого столетия были «Понятие права» Г.Л.А. Харта (Oxford: Clarendon Press, 1961) и «Теория справедливости» Джона Ролза (Harvard University Press, 1972), обе можно охарактеризовать как преимущественно работы по концептуальной теории (хотя некоторые различия вытекают из того факта, что в центре внимания первой книги была социально-институциональная практика, тогда как в центре внимания второй — морально-политическое понятие). См. русские переводы: *Харт Г.Л.А. Понятие права*. СПб., 2007; *Ролз Дж. Теория справедливости*. М.: 2010. — *Прим. переводчика*.

я также надеюсь указать, почему некоторые «дебаты» в юридической литературе лучше всего понимать как беседу теоретиков на разных языках.

Хотя я буду обсуждать проблемы, присущие многим разнообразиям концептуального анализа, мое основное внимание будет сосредоточено на концептуальном анализе внутри теории права.

В первом разделе обсуждается, чем концептуальные теории отличаются от других типов теорий в социальных науках, с указанием на некоторые связи между проблемой концептуальных теорий и другими, более известными проблемами в философии. Во втором разделе излагаются альтернативные способы понимания концептуальных утверждений. В третьем и четвертом разделах кратко комментируются два юридических вопроса, относящихся к концептуальным теориям: максима (связанная с естественным правом), гласящая, что «несправедливый закон не является законом вообще», и утверждение о том, что концептуальный анализ в юриспруденции должен быть заменен натуралистическим анализом.

I

Концептуальные утверждения, концептуальные теории и концептуальные вопросы — это высказывания или анализ ярлыков (ярлыков, которые часто также служат категориями): например, «право», «искусство» и «демократия». Смысл концептуальных вопросов часто неясен студентам, и бывают случаи, когда даже теоретики, ведущие занятия, похоже, не имеют четкого представления о своих целях⁵. Студенты иногда реагируют на длительные дебаты о природе права или природе прав вопросами в духе «кого это волнует?» или «почему это имеет значение?», в то время как профессионалы часто предполагают, что такие вопросы являются исключительно вопросами определения и потому неинтересны. Хотя я ни в коем случае не хочу поощрять пренебрежительный или циничный подход к теории права, я считаю, что скептические вопросы — «в чем смысл?» и тому подобные — всегда следует иметь в виду и что, только имея в виду такие вопросы, тематика (и теоретики) могут быть поняты ясно и глубоко.

⁵ Это ни в коем случае не универсально. Среди наиболее четких дискуссий о цели можно назвать те, что содержатся в первой главе *Hart H.L.A. Ibid.; Coleman J.L. Negative and Positive Positivism // Journal of Legal Studies* 139. 1982. P. 11; и *Raz J. Ethics in the Public Domain*. Oxford: Clarendon Press, 1994. P. 179–193.

Концептуальные вопросы следует рассматривать в противовес другим вопросам, которые задают теоретики. Теории в социальных и естественных науках обычно пытаются описать мир таким образом, чтобы мы могли лучше понять, почему произошли прошлые события, или предсказать, как будут развиваться будущие события⁶: как искажается свет при путешествии через воду? Как животные реагируют на изменение количества дневного света? Какое влияние оказала протестантская мысль на подъем капитализма?⁷ и т.д. Это вопросы причины и следствия, которые в принципе можно проверить с помощью контролируемых экспериментов, тщательного наблюдения или анализа прошлых событий. Эти теории полезны и, возможно, столь же важна и их фальсифицируемость. Если данные, которые мы собираем, в будущем не соответствуют предсказаниям, сделанным в соответствии с теорией, мы должны по крайней мере начать подозревать то, что теория может быть неправильной.

Иначе обстоит дело с вопросами и теориями, единственная цель которых, по-видимому, состоит в том, чтобы предложить определения или разграничить категории, например: «что такое право?» и «что такое искусство?» Рассмотрим, например, все различные причины, которые кто-либо может привести для утверждения, что какой-то артефакт не может быть «искусством»: он не обладает достаточным качеством, он не был создан с необходимым намерением, он слишком функционален или практичен или же он тесно связан с повседневной жизнью или религиозной верой⁸. Если я считаю, что некоторые работы Ман Рэя* на самом деле не являются «искусством», а вы не согласны с этим, или если я считаю, что старая правовая система апартеида в Южной Африке заслуживает того, чтобы называться «правом», а вы

⁶ Следует также отличать их от тех философских объяснений, которые пытаются решить проблемы типа «как возможно X при данных Y и Z?» Например, «Как возможно наше знание, если учитывать все аргументы скептиков...? [и] Как возможно движение, учитывая аргументы Зенона?» — *Nozick R. Philosophical Explanations*, Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1981. P. 8.

⁷ См.: *Weber M. The Protestant Ethics and The Spirit of Capitalism*, translated by T. Parsons, New York: Scribner, 1976; см. русский перевод: *Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма* / Пер. с нем. М. Левиной. М., 2020. — *Прим. переводчика*.

⁸ Что касается последнего, см.: *Limerick P.N. More than Just Beads and Feathers* // *New York Times Book Reviews*. January 8, 1995 (в контексте обзора двух книг об индейских артефактах, обсуждающих аргумент о том, что индейская культура, в отличие от «западной» культуры, не «изолирует» эстетический опыт).

* Ман Рэй — французский и американский художник, фотограф и кинорежиссер, представитель сюрреалистической фотографии. — *Прим. переводчика*.

этого не делаете, то в чем заключается природа нашего несогласия⁹? И как мы можем определить, кто прав?

Концептуальное утверждение, в отличие от утверждения, которое является прогностическим или объясняющим, не поддается проверке или фальсификации¹⁰, по крайней мере каким-либо очевидным образом. По сравнению с другими видами теорий, его связь с наблюдением и эмпирическими утверждениями более сложна (как это будет более подробно рассмотрено в этой статье позже).

Ценность концептуального утверждения может быть оценена только после того, как станет ясно, какова его цель. Тезис, который я защищаю в этой статье, заключается в том, что (говоря дескриптивно или исторически) различные концептуальные утверждения имеют разные цели (и что теоретики часто неявно заявляют, какая именно цель лежит в основе их конкретных концептуальных утверждений, что затрудняет в этих случаях оценку ценности таких утверждений или сравнение двух различных утверждений).

Возможно будет полезно начать с рассмотрения проблемы концептуальных теорий в контексте. Большинство концептуальных теорий в юриспруденции удивительны не только тем, что не являются прогностическими или фальсифицируемыми (каким-либо очевидным образом), но и тем, что они дескриптивны. В том, чтобы выдвинуть дескриптивную теорию о социальном институте или социальном феномене, есть нечто принципиально парадоксальное. Социальные практики меняются, и непонятно, почему закономерности прошлого должны влиять на наше понимание настоящего.

Например, теоретик может после тщательного изучения прошлых практик в рамках данного общества (или даже нескольких обществ) прийти к выводу, что любое законодательство начинается с установления цели. Затем провозглашается то, что «любое законодательство содержит установление цели» или же «установление цели является од-

⁹ Колин Макгинн однажды утверждал, что не имеет смысла говорить о людях, не согласных с понятиями; их можно охарактеризовать только как говорящих о разных понятиях. *McGinn C. Wittgenstein on Meaning*. Oxford: Basil Blackwell, 1984. P. 146–147.

¹⁰ Я признаю, что по крайней мере, по мнению некоторых историков и теоретиков, придерживающихся герменевтического подхода к социальной теории, ссылка на фальсифицируемость может показаться грубой или, возможно, наивной. Однако этот термин служит полезным сокращением для обобщения различных критериев успеха концептуальных теорий в отличие от других типов теорий в социальных науках.

ним из существенных или определяющих элементов законодательства». Однако если некоторый законодательный акт не содержит формулировки цели, как можно спорить с лицом, которое утверждает, что этот законодательный акт, тем не менее, все еще оправдывает название «законодательство»? Является ли это тем же самым или отличается от общих положений в естественных науках (например, открытие существа, которое явно было лебедем, но было черным, опровергло утверждение «все лебеди белые»)?

Этот вопрос, по-видимому, очень похож на старый философский вопрос касательно того, какие свойства некоторого объекта или класса случайны, а какие необходимы (схожие вопросы также часто встают в современной философской дискуссии по поводу теории естественных видов¹¹). Является ли факт, гласящий, что, по-видимому, законодательство всегда устанавливает свою цель и, следовательно, делает какое-либо заявление «законодательством», способом, благодаря которому мы можем отличить «законодательство» от других типов документов? Проблема в том, что разговоры о «сущностях» и «природе» предметов не так хорошо сочетаются с человеческими артефактами и социальными институтами, как, скажем, с биологическими видами или химическими элементами¹². Разница заключается в том, что категории, относящиеся к человеческим артефактам и социальным институтам, не формируют объяснений в форме закона, т.е. мы не ожидаем и не находим доказательств отношений, с необходимостью формирующих связь между этими категориями, между этими категориями и другими явлениями. С человеческими артефактами и социальными институтами сами категории трудно разграничить; изначальная изменчивость и противоречивость концептуальных определений, как можно видеть, вытекает из того факта, что границы таких понятий, как «искусство», «право» или «права», далеки от самоочевидности (изменчивость и противоречивость разграничений являются центральными для понимания проблем и возможностей концептуального анализа, и эта тема будет вновь затронута позже в этой статье).

Если проблема, касающаяся концептуальных теорий, кажется, имеет некоторое сходство с понятием случайных или существенных свойств, она также по-видимому связана с более современной про-

¹¹ См., например: *Putnam H.* The Meaning of “Meaning,” in *Mind, Language and Reality*. New York: Cambridge University Press, 1975. P. 215–271.

¹² См., например: *Dupré J.* Natural Kinds and Biological Taxa // *Philosophical Review*. 1981 (66). P. 90; *Bix B.* Law, Language, And Legal Determinacy. Oxford: Clarendon Press, 1993. P. 162–171.

блемой следования правилу: как мы можем определить разницу между изменением в рамках какой-нибудь практики и изменением в другой практике¹³? Например, можно ли изменить одно из правил игры в шахматы и продолжать играть в шахматы, или это будет другая игра, которая лишь связана с шахматами? То же самое: является ли нечто законодательством, если не имеет установленной цели, и является ли нечто правом, если оно не способствует общему благу¹⁴? Поскольку практика меняется и ярлык, которым некая концептуальная/описательная теория называет ее, больше не соответствует практике, должны ли мы сказать, что первоначальный ярлык был «неправильным» (что бы это в данном случае ни значило) или что старая практика ушла и началась новая практика?

Как отмечалось в начале этой статьи, одной из основных реакций на все эти виды вопросов является вопрос, почему или при каких обстоятельствах эти типы вопросов вообще стоит задавать. Есть ли разница между тем, что мы назовем слегка измененную игру «шахматами», или нет, или между тем, что мы назовем несправедливую систему разрешения споров «правом», или нет? Эта статья посвящена формулировке возможных оснований для таких споров.

Одной из основных причин концептуальных исследований является поддержание структуры, в рамках которой может быть произведена содержательная дискуссия. Вопрос определенности важен в этом смысле, поскольку мы хотим знать, действительно ли два человека, которые, как кажется, обсуждают один и тот же предмет, делают это на самом деле. Идея состоит в том, что если бы отсутствовал какой-либо согласованный предмет, лежащего в основании наших разногласий

¹³ См., например: *Wittgenstein L. Philosophical Investigations* §§ 143–242. New York: Macmillan, 1968. Существуют некоторые очевидные связи между проблемой концептуальных теорий и «скептической дилеммой» в языке и следовании правилам, обсуждаемой Солом Крипке в *Kripke S. Wittgenstein on Rules and Private Language*. Cambridge Mass.: Harvard University Press, 1982, однако сейчас я не хочу входить в этот лабиринт.

¹⁴ Эта линия исследования также связана с понятием о «семейном сходстве» у Людвиг Витгенштейна (*Wittgenstein L. Philosophical Investigations*. § 66), идеей о том, что для некоторых категорий предметы могут считаться иллюстрацией категории (примером у Витгенштейна была категория «игры»), даже если они не все имеют общий набор («существенных» или «необходимых») атрибутов. Скорее из некоторого списка релевантных атрибутов каждый элемент в категории удовлетворяет достаточно большому их числу. См.: *Waldron J. Vagueness In Law And Language: Some Philosophical Issues* // *California Law Review*, 1994 (82), P. 509, 517–520. (обсуждение «семейного сходства»).

по поводу справедливости, демократии, права и т.д., то великие дебаты по этим предметам рухнули бы в неинтересный обмен мнениями сторон, говорящих на разных языках¹⁵. Не соглашаться — значит не соглашаться *с чем-то*¹⁶.

Общая категория, лежащая в основе обсуждения, может быть ограничена предложенным определением (например, «когда я говорю о “правовых системах”, я имею в виду следующее: X, Y и Z; и для всех систем, которые соответствуют этому описанию, я считаю, что верно следующее: ...»). Тогда возникает вопрос: на каком основании мы выбираем одно предложенное определение вместо другого? Я вернусь к этому вопросу позже.

Альтернативный подход иногда полезен для понимания концептуальных утверждений. Многие недоразумения в отношении споров о понятиях возникают потому, что, хотя концептуальные утверждения претендуют (по своей форме, если не по какому-либо более прямому утверждению) на чисто дескриптивный характер, они почти всегда содержат оценочные или прескриптивные элементы. Некоторые разногласия, присутствующие в рамках «споров» о понятиях, могут быть лучше поняты как разногласия относительно наилучшего ответа на конкретный вопрос или проблему¹⁷. Например, различные теории справедливости можно рассматривать как конкурирующие отве-

¹⁵ См., например: *Hurley S. Natural Reasons*. Oxford: Oxford University Press, 1989. P. 30–32.

¹⁶ Аргумент, стоящий за некоторыми версиями платонизма (метафизическо-го реализма) о значениях, состоит в том, что соглашение, лежащее в основе существенных разногласий, должно быть соглашением о какой-либо вещи — «вещь» здесь понимается как некоторая физическая или нефизическая сущность. Как будет указано ниже, я утверждаю, что могут существовать предметы соглашения, которые не являются сущностями любого рода.

¹⁷ У.Б. Галли ввел идею «существенно спорных понятий» в качестве альтернативного способа объяснения споров по поводу использования таких терминов, как «демократия» и «произведение искусства», утверждая, что теоретики по-разному интерпретируют примеры, из которых эти термины получают свое значение. *Gallie W.B. Essentially Contested Concepts // Proceedings of the Aristotelian Society*, 1955–1956. P. 167; см.: *Waldron J. Vagueness In Law And Language: Some Philosophical Issues*. P. 526–534 (обсуждение «существенно спорных понятий»). Анализ Галли оказал большое влияние на юридическую и политическую теорию, поскольку он скорее объясняет, чем устраняет сложные существенные разногласия, не требуя при этом противоречивых онтологических обязательств.

Однако отношение работы Галли к текущему исследованию далеко от ясности. Конкурирующие теоретики в концептуальных дебатах редко говорят о том, что они интерпретируют общий пример или набор примеров (демократии, искусства,

ты на вопрос, каков морально наилучший набор правил, критериев или процедур распределения благ в обществе?

Однако несмотря на то, что некоторые разногласия по поводу концепций в действительности являются разногласиями по поводу наилучшего ответа на поставленные (моральные) вопросы могут работать в некоторых случаях, это вряд ли будет успешным в качестве общего метода понимания концептуальных теорий. Например, мы все еще остаемся с проблемой, как объяснить разногласия относительно таких терминов, как «право» и «демократия». Те, кто не согласен с тем, была ли та или иная государственная система демократической или нет, могут все же согласиться с любым нормативным вопросом, поставленным перед ними, например, была ли эта государственная система лучшей для страны, которая ее использовала.

Таким образом, концептуальные теории и утверждения устанавливают границы категорий. Нанесение таких границ может быть полезным в установлении общей основы для исследования и обсуждения, но размещение границ часто оспаривается. Остается вопрос, на каком основании можно утверждать, что одна концептуальная теория лучше другой? Этому вопросу будет посвящен следующий раздел.

II

Если большинство споров о понятиях не являются прямыми дескрипциями и не являются альтернативными ответами на простые нормативные вопросы, можно ли эти споры понимать таким образом, чтобы не отбрасывать их как бессмысленные? Я считаю, что можно, если начать с попытки понять (различные) цели концептуальных определений. Одна из возможных целей — это то, что я бы назвал вариантом по умолчанию: определение как произвольное условие (хотя некоторые могут сказать, что произвольные условия являются бессмысленными теориями или, возможно, вообще не являются таковыми, для настоящего анализа удобно рассматривать их как альтернативу другим, целенаправленным подходам).

Кто-то может возразить, что концептуальные определения могут быть *только* произвольными, потому что не существует единственно правильного способа разделения социальной реальности. Например, можно утверждать, что в отношении таких вопросов, как то: называ-

права и т.д.), и поэтому мы все еще остаемся с вопросом о (возможно различных) целях представленных теорий.

ем ли мы правила злых государств правом или считаем ли мы международное право реально действующим правом — любой ответ является таким же истинным или легитимирующим, как и любой другой. При таком анализе не может быть «правильного» или «неправильного» в концептуальных определениях, только «более или менее полезного» или «более или менее удобного для определенных целей», и все, что мы можем попросить, это чтобы теоретики были как можно более ясны в основаниях, стоящих за их пограничными линиями (если такие основания существуют) и чтобы они были последовательны в своем применении границ.

При таком подходе несогласие между двумя определениями права или демократии не имело бы большого значения, это было бы просто свидетельство противоположных конвенций. Не было бы никаких особых оснований, почему бы вам не принять мою конвенцию, а мне — вашу для обсуждения некоторых вопросов, представляющих взаимный интерес. Однако если бы большинство концептуальных определений были просто произвольными, было бы трудно объяснить сильные разногласия по поводу того, какие определения права, демократии или тому подобного должны быть приняты. Конечно, эти аргументы продиктованы чем-то большим, нежели гордостью за то, что не чужое, а именно ваше собственное произвольное определение было принято. С другой стороны, если определения не являются произвольными положениями, то должно быть какое-то основание утверждать, что одно определение лучше другого, и именно здесь требуется ссылка на цель определения¹⁸.

(В спорах о понятиях теоретики редко заявляют, что их определения права или демократии «истинны» или «лучше описывают реальность» по сравнению с альтернативами, поскольку такие утверждения вызывают слишком много вопросов¹⁹. Что может означать, например,

¹⁸ Как обсуждалось ранее, даже с «произвольными» условиями теоретики могут сказать, что одно условие «лучше», потому что оно более полезно или более удобно для конкретной цели.

¹⁹ Это напоминает критику юридического позитивизма Лоном Фуллером в адрес Г.Л.А. Харта: «...Мы сталкиваемся с рядом определенных указаний. Верховенство закона является — то есть оно действительно, просто и всегда будет — повелением суверена, правилом, установленным судьей, предсказанием будущего применения государственной силы, образцом официального поведения и т.д. Когда мы спрашиваем, какой цели служат эти определения, мы получаем ответ: “никакой иной цели, кроме точного описания социальной реальности, соответствующей слову закон”. Когда мы отвечаем: “но мне кажется, что это не так”, — в ответ получаем: “ну, для меня это так”. На этом дело должно остановиться»

утверждение, что чей-то концептуальный анализ является «истинным»? Социальная реальность просто не может быть так четко определена.)

После варианта с произвольными условиями по умолчанию концептуальные определения, как правило, преследуют одну из трех целей: (1) они могут быть попыткой проследить и объяснить лингвистическое употребление; (2) они могут быть попыткой обнаружить «значимость» понятия, скрытую в наших практиках и интуициях относительно употребления; или (3) они могут налагать моральные или качественные критерии, которые должны быть выполнены до того, как ярлык должен быть применен (возможно, на том основании, что такие критерии глубоко укоренены в нашем употреблении).

Различие между второй и третьей категориями может быть произвольным или ненужным, и я не думаю, будто что-либо включает в себя три, а не две категории. Тем не менее я полагаю, что есть некоторое основание для различения между второй категорией, т.е. оценками «значимости», которые по крайней мере претендуют на моральную нейтральность (как в обсуждении Хартом значимости юридических прав, о котором будет сказано ниже), и третьей категорией, определениями, которые открыто используют и поощряют моральные суждения (как в работах теоретиков естественного права, о которых также будет сказано ниже).

Одним из возможных оснований для утверждения, что одна концептуальная теория превосходит другую, было бы то, что предложенное определение лучше отражает то, как мы фактически используем этот термин. Иногда можно встретить концептуальную теорию, цель которой не более, чем отслеживание словоупотребления²⁰, но это необычно. Концептуальный анализ часто связан со словоупотреблением, но связь эта, как правило, слабая. Эта связь иногда порождает путаницу, что дискуссии о том, что такое право или что такое права и подобные вопросы, являются всего лишь лингвистическими исследованиями²¹. Однако споры о понятиях редко бывают только о правильных словарных единицах. Теоретики, которые обращают внимание на словоупотребление, обыч-

(Fuller L. Positivism and Fidelity to Law — A Reply to Professor Hart // Harvard Law Review, 1958 (71). P. 630, 631).

²⁰ См.: Raz J. Ethics in the Public Domain. P. 179–182 (обсуждение лингвистических подходов к природе права).

²¹ См., например: Dworkin R. Laws Empire. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1986. P. 31–44; см. русский перевод: Дворкин Р. Империя права. М., 2020. С. 53–68. — Прим. переводчика (аргументирующий против «семантических теорий права»).

но делают это, потому что они верят, будто словоупотребление отражает некоторую более глубокую, более интересную истину²².

Это приводит нас ко второму обоснованию концептуальных определений: тот или иной способ разделения предмета обосновывается на том основании, что этот способ лучше отражает некоторые интересные или важные аспекты практики (аспекты, на которые могут наекать наши лингвистические практики)²³. Таким образом, Г.Л.А. Харт защищал свою «теорию притязаний» на юридические права даже от альтернативного определения, которое, по мнению Харта, лучше соответствует тому, как мы используем соответствующие юридические термины, на том основании, что его определение отражает важный аспект того, как люди воспринимают и переживают юридические права²⁴.

Проблема с этим вторым подходом — концептуальными определениями того, что интересно или важно в отношении некоторой практики или отношения, — заключается в том, что эти лежащие в основе суждения могут быть недостаточно объективными. Важность можно лучше всего рассматривать как утверждение полезности — уместным ответом на вопрос «почему X важно?» является «потому что это помогает получить Y», — когда нам все еще нужно найти некоторое согласие относительно правильных целей. Если мы не согласны с целями практики, то, скорее всего, не согласимся и с тем, какие аспекты практики важны или значимы (и почему они таковы). В результате возникает своего рода теоретический тупик: например, теоретику, основывающему свое понятие права на определенном представлении о том, какие цели преследует или должно преследовать право, было бы трудно убедить второго теоретика, имеющего иной взгляд на цели права

²² Здесь есть интересная параллель с недавними дискуссиями в области метафизики и философии языка. Майкл Даммит утверждал, что теория языка и теория значения являются подходящими отправными точками для (метафизических) вопросов о физической реальности. См.: *Dummet M. The Logical Basis of Metaphysics*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1991. P. 12–15. Аналогичным образом в концептуальном анализе многие предполагают, хотя этот тезис мог бы получить дополнительную аналитическую поддержку, что наши представления о понятии отражают или позволяют понять некоторые более фундаментальные истины о социальной реальности или моральных требованиях, лежащих в основе этого понятия.

²³ См., например: *Finnis J. Natural Law and Natural Rights*. Oxford: Clarendon Press, 1980. P. 3–11; *Raz J. Ethics in the Public Domain*. P. 216–218.; см. русский перевод: *Финнис Дж. Естественное право и естественные права*. М., 2012. — *Прим. переводчика*.

²⁴ См.: *Hart H.L.A. Legal Rights // Essays on Bentham*. Oxford: Clarendon Press, 1982. P. 162–193.

и, следовательно, иную теорию, в том, что первая теория превосходит вторую (возможно, такого рода неразрешимые разногласия являются частью того, что происходит в дебатах между юридическим позитивизмом и его критиками²⁵).

Третий подход к концептуальным вопросам заключается в установлении стандартов — теста, который должен пройти объект или деятельность, прежде чем будет заработана соответствующая метка. Например, можно было бы считать, что нечто должно называться «литературой» только в том случае, если оно прошло испытание временем, т.е. если его высокая критическая оценка не была значительно снижена в течение многих лет. Точно так же некоторые могут полагать, что созданный объект должен называться «искусством» только в том случае, если он достигает определенного качества или значения.

Можно задаться вопросом, какой смысл в применении моральных тестов к понятиям в социальных науках. Одно дело сказать, что литература — это очень хороший вымысел, когда ярлык становится сокращением для оценочного суждения («ее книги — вымысел, конечно, но я бы вряд ли назвал их литературой»). Однако, когда рассматриваемый термин имеет общее употребление, как «право», можно утверждать, что он только вносит путаницу в использование термина общего описания, поскольку также подразумевает утверждение о значимости²⁶.

Хотя обоснование такого подхода к концептуальным определениям часто не сформулировано, один из возможных аргументов в его пользу, на который часто намекают, заключается в следующем: такие термины, как «искусство», «демократия» и «право», хотя и имеют сильный описательный элемент, редко являются просто дескриптивными. Существует остаточный (позитивный) нормативный элемент, от кото-

²⁵ См., например: *Hart H.L.A. Postscript // The Concept of Law. Second Edition* Oxford: Caledron Press, 1994. P. 248–249 (его взгляд на то, что первичная цель права состоит в управлении человеческим поведением, противоположен взгляду Рональда Дворкина о том, что первичная цель права заключается в моральном обосновании государственного принуждения).

²⁶ См.: *Hart H.L.A. Postscript // The Concept of Law. Second Edition* Oxford: Caledron Press, 1994. P. 203–207. Существуют этические понятия, описываемые в литературе как «плотные понятия», в которых описание и оценка (или, говоря по-другому, описание и основания для действия) неразрывно вплетены друг в друга (например, «грубый», «трусливый», «жестокый»). См., например: *Williams B. Ethics and The Limits of Philosophy*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1985. P. 140–152; *Foot P. Moral Arguments // Mind*, 1958 (67). P. 502–509. Однако вопрос о том, как лучше всего понимать плотные понятия и какое значение они имеют для моральной теории, выходит за рамки данной статьи.

рого философы, ищущие аналитической ясности, не могут просто отказаться²⁷. Во многих кругах считалось бы оскорбительным, если бы им сказали, что в их обществе на самом деле нет права или что их правительство не является действительно демократическим. Когда мы говорим, что не будем называть то, что было в нацистской Германии, «правом» или что мы не будем говорить о «праве» быть наказанными за то, что мы сделали, теоретик торгует нашими лингвистическими интуициями — когда мы думаем, что ярлык уместен, и когда — неуместен — и эти интуиции иногда содержат оценочные элементы. Это похоже на то, как если бы интуиции отражали некоторую истину о социальных явлениях, некоторую истину, которую мы понимаем неясно на интуитивном уровне или еще неясно на артикулированном уровне.

Здесь может оказаться полезным рассмотреть пример из юридической литературы, в которой охватываются различные подходы к концептуальным определениям. Саймон Робертс раскритиковал Х.Л.А. Харта²⁸, утверждая, что в соответствии с анализом Харта многие общины (в частности, небольшие племена и так называемые примитивные общества) будут считаться не имеющими права, поскольку многие такие общины не имеют централизованных законодательных органов и органов, отправляющих правосудие, которые, как полагал Робертс, предполагаются моделью Харта²⁹. Однако неясно, почему Харт не мог просто ответить на этот вызов, что для своих собственных целей он выбрал анализ и определение права и правовых систем, которые охватывают только определенные западные общества. Он мог бы сказать, что определения произвольны, если другие теоретики хотят получить более широкое определение, они могут его дать (я не утверждаю, что это была на самом деле позиция Харта, только то, что позиция такого рода является надежной).

Представляется, что в критике Робертса есть две неустановленные предпосылки: во-первых, что концептуальное определение права не яв-

²⁷ Кеннет Уинстон, обобщая идеи Морриса Козна и Лона Фуллера, описал сопоставимое понятие в различных терминах. Как я понимаю вывод Уинстона, (идеологический) «идеальный элемент» необходим для умопостигаемости всех социальных институтов, включая закон (идеал — это «принцип порядка, ограничивающая концепция», которая создает концептуальную структуру, в рамках которой воспринимаются реальные субъекты), и поэтому любое определение, которое не включает такой элемент, было бы дефектным. *Winston K. The Ideal Element in a Definition of Law // Law and Philosophy, 1986 (5). P. 89, 98, 105–106.*

²⁸ *Hart H.L.A. Ibid.*

²⁹ См.: *Roberts S. Order and Dispute. Middlesex, England: Penguin, 1979. P. 23–25.*

ляется (или не должно быть) произвольным вопросом; во-вторых, что все (или почти все) общества должны считаться имеющими правовые системы. Что касается второго пункта, то аргумент может заключаться в том, что утверждение о том, что сообщество имеет правовую систему, косвенно означает утверждение о том, что это сообщество является передовым, зрелым и изоциренным, а следовательно, утверждение, что община не имеет такового, означает, что она примитивна и не важна. Этот тип аргументации вписывается в мою третью категорию, рассмотренную выше. Однако дело заключается в том, что до тех пор, пока теоретик не предложит основу для суждения о концептуальных определениях и основания для выбора одного из них перед другим, аргументы об истинности или правильности концептуального определения являются необоснованными и, следовательно, бессмысленными.

Учитывая все соображения, обсуждавшиеся в ходе этой статьи, неудивительно, что часто различные участники споров о понятиях в теории права — дебатов о том, как лучше всего определить понятия, — часто лучше всего понимаются как говорящие на разных языках. Примером может быть знаменитый юридический спор между Г.Л.А. Хартом и Лоном Фуллером³⁰. В статье нет места для подробного анализа этого спора, однако коротко позиции участников звучат примерно так: Харт предложил анализ права в целях достижения максимальной ясности при обсуждении права вообще и моральной оценки правовых норм в частности, в то время как Фуллер предложил моральный критерий для применения термина «право», основанный частично на словоупотреблении, а частично на рассмотрении права как формы социального порядка, которая противопоставляется другим формам социального порядка³¹. Эти две позиции несовместимы в том смысле, что конкретная правовая система может не быть правом при анализе Фуллера, однако та же система будет правом при анализе Харта. Однако оба анализа не являются противоречивыми в том смысле, что можно без противоречий утверждать, что оба они ценны и полезны.

³⁰ См.: *Hart H.L.A. Positivism and the Separation of Law and Morals* // *Harvard Law Review*, 1958 (71). P. 593; *Fuller L. Positivism and Fidelity to Law — A Reply to Professor Hart*. P. 630.

³¹ В одной беседе Фредерик Шауэр высказал интересное предположение о том, что Харт и Фуллер имели общую цель, поскольку оба пытались выдвинуть теории, которые сделали бы более вероятным, что чиновники и граждане будут сопротивляться несправедливым законам. Однако анализ теорий таким образом, с точки зрения предполагаемого, но косвенного воздействия на практические рассуждения читателей, выходит за рамки данной статьи.

III

Когда речь заходит о концептуальных исследованиях в теории права, многие думают о девизе, условно связанном с теорией естественного права, *lex iniusta non est lex* («несправедливый закон — это не закон вообще»).

Это положение часто приписывается Фоме Аквинскому и дается как итог его выводов и позиции теории естественного права в целом. Хотя Фома Аквинский никогда не использовал эту точную фразу, можно найти подобные выражения. Например, «всякий человеческий позитивный закон имеет природу закона в той мере, в какой он вытекает из естественного закона. Если же в каком-то пункте оно вступает в противоречие с законом природы, то это уже не закон, а скорее извращение закона»³²; и «[несправедливые законы] являются актами насилия, а не законами, как говорит Августин: “Закон, который несправедлив, кажется, не является законом”»³³.

Первый вопрос касается того, как понять утверждение, сделанное Аквинским (и более поздними представителями его подхода). Как такое утверждение согласуется с концептуальными утверждениями современных аналитических теоретиков?

Прежде всего необходимо избежать слишком близкого отождествления Фомы Аквинского с современными аналитическими утверждениями³⁴. Контекст комментариев Аквинского был теологическим исследованием и попыткой очертить систематическую моральную систему³⁵. Нельзя сказать, что Фома, в отличие от современных анали-

³² *Aquinas T. Summa Theologiae*, question 95, article 2 (Aquinas, *The Treatise on Law* (R.J. Henle, ed. Notre Dame: University of Notre Dame Press, 1993)). См. русский перевод: *Аквинский Ф. Сумма теологии*. Киев, 2005. С. 310–311. — *Прим. переводчика*.

³³ *Aquinas T. Ibid.* Также можно найти подобные аргументы, утверждающие, что несправедливые законы — не законы, у Платона («Законы» IV, 715b), Цицерона (например, «О республике», II, v, 11) и Августина («Свобода выбора», I, v, 11).

³⁴ Я обсуждаю взгляды Аквинского и его противоположность к подходам современных теоретиков права более подробно в *Natural Law Theory* (Patterson D., ed. *A Companion to the Philosophy of Law*. Oxford: Basil Blackwell, 1996). Несколько отрывков из этой статьи были переработаны для включения в настоящую статью.

³⁵ Как сказал один современный комментатор, «Святой Фома был прежде всего теологом. Его основная работа «Сумма теологии» представляет собой краткое изложение теологии, предназначенное для начинающих студентов в этой дисциплине. Поэтому, если кто-то хочет развить томистскую философию естественного права (или чего-либо еще), он должен извлечь философские принципы из

тических философов, пытался определить природу права (или юридической действительности) независимо от его преимуществ, поскольку его исследование было теологическим/этическим, он пытался сделать выводы из соотношения между божественным правом и человеческим (позитивным) правом. Это разделяется на два вопроса: как следует поступать этически при установлении позитивного права? При каких обстоятельствах граждане обязаны подчиняться позитивному праву?

Для Фомы Аквинского и для современных ученых, таких как Джон Финнис, которые следовали этой традиции³⁶, смысл выражения «несправедливый закон — это не закон вообще» состоит в том, что несправедливые законы не являются законами в полном смысле этого слова. Так мы могли бы сказать о каком-нибудь профессионале, у которого были необходимые степени и полномочия, но, тем не менее, казалось, что ему не хватает способностей и суждений: «она не юрист» или «он не врач». Это лишь указывает на то, что звание в данном случае не имеет тех позитивных последствий, как это обычно происходит³⁷. Точно так же сказать, что несправедливые законы на самом деле не являются законами, может означать только указание на то, что они не несут в себе той же моральной силы или не предлагают тех же оснований для действий, что и законы, согласующиеся с высшим законом. Это почти наверняка тот смысл, в котором Аквинский имел в виду свои замечания и вероятную интерпретацию для всех сторонников этой позиции в рамках традиции естественного права.

Для Фомы разделение на «закон» и «не закон» (или «не закон в самом полном смысле») вытекает из этических вопросов, приведенных выше, или отвечает на них: какие правила следует принять законодателям и как граждане должны реагировать на то, что они введены в действие. Таким образом, сказать, что несправедливый закон³⁸ не является законом в самом полном смысле этого слова, — это лишь первый шаг дальнейших аргументов. Например: «Этот закон несправедлив;

теологической доктрины, с которой они переплетены» (*Henle R.J. Introduction // Aquinas T., The Treatise on Law. P. 8.*)

³⁶ См.: *Finnis J. Natural Law and Natural Rights. Oxford: Clarendon Press, 1980. P. 363–366.*

³⁷ См.: *Kretzmann N. Lex Iniusta Non est Lex // American Journal of Jurisprudence, 1988 (33). P. 99, 102–103.*

³⁸ По мнению Фомы Аквинского, есть три различных типа аргументов для вывода о том, что закон несправедлив: он не служит общему благу, законодатель действовал вне его полномочий или бремя закона распределено неравномерно. *Aquinas T. Summa Theologiae, question 96, article 4, corpus.*

следовательно, это не закон в полном смысле этого слова; и *поэтому* граждане могут с чистой совестью действовать так, как если бы он никогда не был принят, то есть они должны чувствовать себя свободными и не подчиняться ему».

(На самом деле это выражение не такое простое. Часто существуют моральные основания для подчинения даже несправедливому закону: если закон является частью в целом справедливой правовой системы и публичное неповиновение закону может подорвать систему, существует моральное основание для хотя бы минимального общественного соблюдения несправедливого закона. Есть намек на позицию у Аквинского — он заявил, что гражданин не обязан подчиняться «закону, который возлагает несправедливое бремя на своих подданных... *кроме, возможно, для того, чтобы подчиняться, избежать скандалов или беспорядков*»³⁹ — и эта точка зрения была более подробно сформулирована более поздними теоретиками естественного права⁴⁰.)

Однако каким может быть это утверждение, если мы говорим, что нечто не порождает понятие «в самом полном смысле»? Аналитический механизм выполняет часть той же работы, что и третий подход к концептуальному анализу, рассмотренный ранее: установление оценочных стандартов для (полного) подтверждения соответствующего ярлыка.

Хотя подход, который говорит о «центральном случае» или «наиболее полной реализации» понятия⁴¹, избегает внутренней реакции, которую можно вызвать, сказав, что определенный набор институтов — это «не закон» или что определенный артефакт — это «не искусство», в некотором смысле спор только откладывается или смещается: почему конкретное видение права должно быть центральным случаем или фокусным смыслом термина, в то время как другие примеры являются периферийными или отклоняющимися примерами понятия (если сторонник недоволен системой, являющейся «не законом», она может быть одинаково недоволен и тем, что ее называют «законом только в отклоняющемся смысле этого термина»).

³⁹ Aquinas T. Summa Theologiae, question 96, article 4, corpus.

⁴⁰ См., например: Finnis J. Ibid. P. 354–362.

⁴¹ Для этого типа рассуждения см.: Finnis J. Ibid. P. 9–11. Hart H.L.A.. The Concept of Law. P. 14–17. Финнис связывает это понятие с понятием «фокусного значения» Аристотеля и понятием «идеальных типов» Макса Вебера, см.: Weber M. The Methodology of the Social Sciences. E. Shils & H. Finch, eds., New York: Free Press, 1949. P. 90–106; Aristotle. Eudemian Ethics VII 2:1236a16–30; Nicomachean Ethics VIII 4:1157a30–1157b4; Politics III 1:1275a33–1276b4.

Вполне вероятно, что обоснования для отбора будут выглядеть примерно так же, как и те, которые обсуждались ранее: они могут быть произвольными, основанными только на лингвистическом употреблении, привязанными к непосредственным целям обсуждения или используемыми в качестве оценочного стандарта.

IV

Некоторые авторы начали сомневаться в том, какая часть традиционной юриспруденции была концептуальным анализом и в связи с этим какая часть юриспруденции *должна быть* концептуальным анализом.

Например, в предстоящей статье о правовом реализме Брайан Лейтер утверждает, что эта школа мысли была неправильно понята, потому что комментаторы ошибочно полагали, что реалисты, как и большинство теоретиков права в этом столетии, предлагали концептуальный анализ⁴². Лейтер утверждает, что правовые реалисты, по крайней мере в своих теоретических представлениях о принятии судебных решений, были философами-натуралистами⁴³.

Натурализм — это убеждение, что нет такой области философского исследования, к которой не были бы применимы естественные науки, в терминах Лейтера это убеждение, что «философское теоретизирование должно быть непрерывным и зависимым от эмпирического исследования в естественных и социальных науках»⁴⁴. Примерами таких натуралистических подходов являются некоторые современные подходы к эпистемологии, которые считают, что соображения о том, как люди на самом деле приходят к своим убеждениям, имеют отношение к исследованию того, как мы должны прийти к нашим убеждениям⁴⁵. Также актуальна связанная с этим теория референции естественных видов, в которой утверждается (грубо говоря), что природа вещей

⁴² См.: *Leiter B. Legal Realism* // Patterson D., ed. *A Companion to the Philosophy of Law and Legal Theory*. Oxford: Basil Blackwell, 1996. P. 4–7.

⁴³ *Ibid.* P. 6–10. Лейтер не утверждает, что натуралистическая методология полностью вытеснила концептуальный анализ у правовых реалистов. Он утверждает, что в концептуальных вопросах правовых реалистов лучше всего воспринимать как «молчаливых юридических позитивистов». *Ibid.* P. 7.

⁴⁴ *Ibid.* P. 7. Что касается последствий, которые этот подход имеет для широкого спектра различных философских исследований, см.: *Papineau D. Philosophical Naturalism*. Oxford: Basil Blackwell, 1993.

⁴⁵ См., например: *Kornbluth H. Naturalizing Epistemology*. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1994.

в мире (независимо от наших представлений об этих вещах) помогает определить значение терминов⁴⁶.

Наблюдения Лейтера о правовом реализме почти наверняка верны и являются полезным исправлением того, как эти теоретики часто воспринимаются. Однако Лейтер, кажется, также намекает на более общее и более спорное утверждение о теории права, когда он замечает в одном месте, что юриспруденция в целом на десятилетия отстает от других областей философии в отказе от чистого концептуального анализа в пользу натуралистического анализа⁴⁷.

Мой первоначальный ответ заключается в том, что, возможно, было бы неразумно оценивать концептуальные теории все вместе, даже все концептуальные теории в юриспруденции. Можно возразить, что эпистемологию и судебные рассуждения следует отличать от того типа концептуальных вопросов, которые часто поднимаются в юриспруденции. При рассмотрении вопроса о том, как мы знаем вещи или как судьи могут/должны решать юридические вопросы, возникает непосредственная привлекательность позиции о том, что то, как люди фактически выполняют эти действия, должно играть неотъемлемую роль в анализе того, как они *должны* их выполнять.

Однако такие вопросы, как «что такое право» (или «что такое искусство») и «какова природа прав», относятся к совершенно иному типу, поскольку менее ясно, каким образом эмпирические утверждения *могут быть* включены в анализ. Дело не в том, что эмпирические факты — то, что люди на самом деле делают или что на самом деле есть, — вообще не имеют места в анализе (как отмечалось ранее, многие теоретики видят роль фактического лингвистического словоупотребления в построении концептуальной теории). Скорее, проблема заключается в том, что сфера охвата категории (право, права, искусство) оспаривается так же, как и наилучший способ понимания предметов, которые вписываются в эту категорию⁴⁸. Эмпирическое наблюдение вряд ли разрешит эти споры, поскольку роль эмпирических фактов (например, насколько важ-

⁴⁶ См., например: Putnam H. The Meaning of “Meaning” // Mind, Language and Reality. New York: Cambridge University Press, 1975. P. 215–271.

⁴⁷ См.: Leiter B. Legal Realism. P. 7.

⁴⁸ Хотя кто-то может утверждать, что объем категорий, имеющих центральное значение для других споров (например, категория «обоснованного утверждения» в эпистемологии), также иногда оспаривается, я бы сказал, что для таких категорий споры, если они вообще существуют, очень значительны на периферии, в отличие от концептуальных споров в правовой и политической теории, где споры являются всеобъемлющими и центральными.

ным должно быть лингвистическое словоупотребление в построении или переоценке теорий) сама по себе весьма спорна.

По всем основаниям, которые делают концептуальный анализ в философии права и политической философии запутанным, беспорядочным и сбивающим с толку (отсутствие формулировок основных целей, различные и противоположные цели и спорная природа концептуальных границ), я сомневаюсь, что эти дискуссии будут (или должны вскоре быть) повержены натурализмом.

Заключение

Таким образом, концептуальные споры в юриспруденции (и в других областях) часто приводят к путанице, поскольку центральный элемент дискуссии остается невыясненным. При выдвижении концептуального утверждения или при оценке такого утверждения крайне важно определить цель, с которой оно выдвигается. Когда цель не сформулирована, существует опасность, по меньшей мере, что участники концептуальных дебатов будут неправильно понимать друг друга и предлагать аргументы, которые не совпадают.

Я предложил четыре альтернативы концептуальным утверждениям: (1) они являются произвольными условиями; (2) они отслеживают лингвистическое словоупотребление; (3) они пытаются объяснить, что является «важным» или «интересным» в каком-либо вопросе; (4) они устанавливают оценочный тест для ярлыка. У меня сложилось впечатление, что большинство концептуальных претензий в теории права относятся к третьей или четвертой категории.

В рамках подхода, предложенного в этой статье, можно было бы не утверждать, что конкретный концептуальный анализ правильный или истинный (по крайней мере не в том смысле, что есть только одна уникальная правильная или истинная теория для всех концептуальных вопросов), но я не вижу в этом существенной потери. Должно быть достаточно и того, что можно утверждать (или отрицать), что анализ хорош (или лучше, чем альтернатива) для конкретной цели.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Бикс Брайан — доктор права, профессор права и философии юридического факультета Миннесотского университета (США).

AUTHOR'S INFO:

Brian Bix — PhD in Law, Professor of Law and Philosophy, Law School, University of Minnesota (USA).

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Бикс Б. Концептуальные вопросы и юриспруденция // Труды Института государства и права РАН / Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS. 2020. Т. 15. № 5. С. 52–73. DOI: 10.35427/2073-4522-2020-15-5-bix

FOR CITATION:

Bix, B. (2020) Conceptual Questions and Jurisprudence *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN* / Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS, 15 (5), pp. 52–73. DOI: 10.35427/2073-4522-2020-15-5-bix